

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

10(2)
2022

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
12+

Содержание

Статьи

С.В. Воробьёв. Падение «танкового короля» Исаака Зальцмана: исторические мифы и исторические факты 4

Люди. События. Факты

В.С. Пикалова, Д.В. Пикалов. Коммеморативные практики в системе советской идеологии в 1920-е гг. (на материалах истпартов Северного Кавказа) 20

Е.Е. Красноженова. «Я знаю, что значит война». Нацистская оккупационная политика против детства (на материалах Северо-Запада РСФСР) 34

Г.Б. Тускаева, У.Ш. Тедеева, А.Ч. Хаблиева. Эвакуация из прифронтовой полосы в Северо-Осетинскую АССР в годы Великой Отечественной войны 44

Этнические меньшинства в истории России

И.С. Карабулатова, А.Г. Шабамбаева, М.Ю. Никитин, Г.К. Резуанова, Г.К. Сыздыкова. Бухарские евреи и тобольские бухарцы на территории юга Западной Сибири и Казахской степи в XVII–XIX вв.: адаптационные практики ухода от конфликтов в купеческой среде 52

А.Е. Жукова, О.А. Семенова, В.Ю. Шевелев. Вопросы школьной гигиены во второй половине XIX – начале XX в. в Санкт-Петербурге (на примере еврейских учебных заведений) 66

Т.А. Катцина, Л.Э. Мезит, К.А. Тишкина. Социальная помощь евреям-выселенцам в Сибири в годы Первой мировой войны 76

ВЫХОДИТ С 1926 ГОДА

ООО «ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

МОСКВА

М.В. Синицын, И.С. Карабулатова, Т.А. Катцина, Ф.Б. Саутиева, К.К. Каримова. Конфликтогенность темы армянских и греческих беженцев в дискурсе СМИ периода Первой мировой войны на дореволюционном этапе.....	88
П.К. Дашковский, Е.А. Шершнев. Государственное регулирование положения мусульманского духовенства в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в.....	100
П.К. Дашковский, Н.П. Зиберт. Положение религиозных общин в Западной Сибири в контексте изменения вектора советской конфессиональной политики в 1920-е гг.....	110
Т.Г. Недзельюк. «Лестница в небо»: сибирский период в жизни Льва Святополк-Мирского.....	120
П.К. Дашковский, Н.С. Гончарова. Деятельность уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР в национальных автономиях Сибири (на примере Хакасской автономной области).....	126
П.К. Дашковский, Н.С. Дворянчикова. Влияние новой государственно-конфессиональной политики СССР на положение религиозных общин в Западной Сибири в 1985–1991 гг.....	136
Н.К. Байгабатова, А.Ж. Тойбаев, Г.М. Искакова. Миграционные процессы в Казахстане в XIX – начале XX в. и их влияние на этническую структуру населения (на примере Семиреченской области).....	150
Ж.С. Аубакирова, Э.О. Столярова, Н.Л. Краснобаева, А.Н. Алексеенко, Т.Е. Омырзак, С.К. Уалиева. Население КАССР в 1920–1926 гг.....	164
Г.А. Сарсембаева, Н.Л. Краснобаева, Н.А. Махметова, Э.О. Столярова, Ж.С. Аубакирова, А.Н. Алексеенко. Исторические предпосылки формирования казахстанской «модели» рождаемости: середина XX – начало XXI в.....	174
Ж.С. Аубакирова, Т.Е. Омырзак, Э.О. Столярова, Г.А. Сарсембаева, А.Н. Алексеенко, Г.К. Кенжебаев. Демографическое развитие Казахстана во второй половине XX – начале XXI в.: противоречия и риски.....	186

Население КАССР в 1920–1926 гг.

Ж.С. АУБАКИРОВА, Э.О. СТОЛЯРОВА, Н.Л. КРАСНОБАЕВА,
А.Н. АЛЕКСЕЕНКО, Т.Е. ОМЫРЗАК, С.К. УАЛИЕВА

Population of the KASSR in 1920–1926

Zh.S. AUBAKIROVA, E.O. STOLYAROVA, N.L. KRASNOBAEVA,
A.N. ALEKSEYENKO, T.Y. OMYRZAK, S.K. UALIEVA

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования населения образованной в августе 1920 г. Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики (КАССР) в период между переписями населения 1920 и 1926 гг. В это время перекраивались административные границы, возникали новые национально-государственные объединения, что затрудняет изучение населения на сопоставимой территории. Заметное влияние на население КАССР оказал голод 1921–1922 гг. Авторы статьи приходят к выводу о достоверности материалов переписи 1926 г., в целом адекватно отражающих численность и национальный состав населения КАССР после потрясений первой половины 1920-х гг.

Ключевые слова: Казахстан, перепись населения, голод 1921–1922 гг., административно-территориальные преобразования, миграции.

Abstract. The article examines the peculiarities of the formation of the population of the Kyrgyz Autonomous Soviet Socialist Republic (KASSR) formed in August 1920 in the period between the population censuses of 1920 and 1926. At that time, administrative borders were being actively redrawn, new national-state associations were emerging, which significantly complicates the study of the population in a comparable territory. The famine of 1921–1922 also had a serious impact on the population of KASSR. The authors come to the conclusion about the reliability of the census materials of 1926, which in general adequately reflected the number and national composition of the population of the KASSR after the shocks of the first half of the 1920s.

Key words: Kazakhstan, population census, famine of 1921–1922, administrative-territorial transformations, migrations.

Изучение численности и состава населения Казахстана в первой половине 1920-х гг. затрудняет многообразие происходивших в то время событий. Это был период грандиозной ломки. Перекраивались административные границы, формировались новые национально-государственные образования. В состав образованной в августе 1920 г. Киргизской АССР (в 1925 г. – Казакская АССР, в 1936 г. – Казахская ССР) были включены (в дореволюционных административных границах) Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Уральская губернии, Мангышлакский уезд, 4-я и 5-я Адаевские волости Красноводского уезда Закаспийской области, Синеморская область Астраханской губернии, Букеевская орда (Букеевская степь) и территории бывших оброчных казенных земель, прилегающих к 1-му и 2-му Приморским округам, населенным казахами. 22 сентября 1920 г. ВЦИК новым декретом дополнительно ввел в состав КАССР Оренбургскую губернию, а Оренбург стал столицей республики.

Этнические меньшинства в истории России

Из состава Алтайской, Тюменской и Омской губерний в состав автономии перешли волости с общей численностью населения в 370,6 тыс. чел.¹

Административно-территориальные преобразования продолжались и в последующие годы. Так, в результате размежевания Средней Азии, завершившегося в конце 1924 г., в состав КАССР вошли Казалинский, Акмечетский, Туркестанский, Чимкентский уезды, большая часть Аулиеатинского уезда, часть Ташкентского и Мирзагульского уездов Сырдарьинской области, шесть кочевых волостей Джизакского уезда Самаркандской области, а также Алмаатинский, Джаркентский, Лепсинский, Капальский (Талдыкурганский) уезды. В результате территория КАССР увеличилась на 685,9 тыс. кв. км, а население - на 1 468 тыс. чел.²

После размежевания, при увеличении территории и чрезмерной удаленности южных областей от столицы республики г. Оренбурга руководство хозяйственным строительством было затруднено. В апреле 1925 г. ВЦИК вывел Оренбургскую губернию из состава КАССР, а в октябре того же года установил границу между КАССР и Оренбургской губернией. Столицей автономии стал г. Ак-Мечеть (Кзыл-Орда).

Вопросы численности и состава населения республики в 1920-е гг. рассматривались в основном экономистами, статистиками, идущими вслед за событиями и отражавшими в своих работах отдельные сюжеты большой темы. Повышенное внимание уделялось административно-территориальным изменениям³ и последствиям голода 1921–1922 гг.⁴ Во многом труды авторов 1920-х гг. послужили источниковой базой настоящей статьи, в первую очередь отчеты Совета

Аубакирова Жанна Сакеновна – кандидат исторических наук, директор научно-исследовательского центра «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова. E-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru; Столярова Элеонора Олеговна – кандидат социологических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова. E-mail: eleonora193967@gmail.com; Краснобаева Нелли Леонидовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова. E-mail: krasn_nelli@mail.ru; Алексеенко Александр Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова. E-mail: alalexeenko56@gmail.com; Омырзак Тамерлан Ержанулы – магистр гуманитарных наук по специальности «История», преподаватель-магистр Казахского Национального педагогического университета имени Абая. E-mail: jugger_515@mail.ru; Уалиева Сауле Кабдымуликовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Восточно-Казахстанского технического университета имени Даулета Серикбаева. E-mail: sayakuday@gmail.com.

Aubakirova Zhanna S. – candidate of historical sciences, director of the Altaytanu Research Center of the Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University. E-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru; Stolyarova Eleonora O. – candidate of sociological sciences, chief researcher of the Altaytanu Research Center of the Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University. E-mail: eleonora193967@gmail.com; Krasnobaeva Nelly L. – candidate of historical sciences, leading researcher at the Altaytanu Research Center of the Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University. E-mail: krasn_nelli@mail.ru; Alekseyenko Alexander N. – doctor of historical sciences, chief researcher of the Altaytanu Research Center of the Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University. E-mail: alalexeenko56@gmail.com; Omyrzak Tamerlan Y. – master of Humanities in the specialty «History», teacher-master of the Department of History of the Kazakh National Pedagogical University named after Abai. E-mail: jugger_515@mail.ru; Ualieve Saule K. – candidate of historical sciences, senior lecturer at Daulet Serikbayev East Kazakhstan Technical University. E-mail: sayakuday@gmail.com.

труда и обороны (СТО) КАССР и губерний о борьбе с голодом. Важнейшим источником стали также материалы переписей населения 1920 и 1926 гг.

Историография вопроса невелика. Советские ученые рассматривали население 1920-х гг. в контексте развития народного хозяйства, советизации казахского аула⁵. В постсоветский период проблема изучалась в основном как составная часть истории Казахстана XX в., внимание на последствиях демографических потрясений 1920-х гг. не заострялось⁶. Из авторов, непосредственно занимавшихся темой голода 1921–1922 гг., следует отметить базирующиеся на солидной источниковой основе труды Б.А. Мусаева⁷ и З.Д. Назаровой⁸.

Проследить изменения динамики численности и этнического состава населения в первой половине 1920-х гг. в сопоставимых границах сложно вследствие административно-территориальных преобразований. Огромное влияние имели и последствия голода, обрушившегося на Поволжье, Урал и Казахстан в 1921–1922 гг. Причины бедствия многообразны: разрушительные последствия Первой мировой и Гражданской войн, политика военного коммунизма и изъятие хлеба у сельского населения, негативные природные явления. Внесли свою лепту и мероприятия советской власти, вернувшей казахам земли, изъятые у них в период столыпинской аграрной реформы. По мнению английского историка Э. Карра, существовали веские причины для отказа от передела обработанных участков земли в целях возвращения их казахским кочевникам, «поскольку такая мера, какой бы она ни была справедливой и политически целесообразной, неизбежно повлекла бы за собой немедленный упадок сельскохозяйственного производства»⁹.

В результате засухи в первую очередь голод коснулся западных регионов автономии. Осенью 1921 г. выяснилось, что собранным хлебом вместе с запасом прошлых лет можно обеспечить население по мизерной норме – два пуда в год (32,7 кг) на душу населения. Крестьяне-переселенцы, несмотря на категорические запреты, стали уходить в Туркестан, Украину. СТО КАССР констатировал: «По имеющимся далеко не полным данным, число выселившихся переселенцев по отдельным районам колеблется от 60 до 20 %. Наибольший процент падает на Уральскую губернию и Темирский уезд»¹⁰. Положение осложнялось тем, что неурожай и голод в Поволжье подняли встречную волну переселенцев, которые пополняли армию казахстанских голодающих.

Данные о количестве голодавших в пострадавших губерниях весьма противоречивы. Сказался, видимо, различный подход к учету голодающих. В одних источниках учитывалось как местное, так и пришлое население, в других – только местное. Так, в отчете Кустанайского губернского экономического совещания СТО КАССР на конец 1921 г. по губернии указывается 354 340 голодающих¹¹. В отчете СТО КАССР на это же время – 192 340 чел.¹² В отчете Уральского губернского экономсовещания говорится о 285 559 голодающих, а в отчете СТО КАССР – о 400 900¹³.

В западноказахстанских губерниях в апреле 1922 г. количество голодающих составляло 93 % от общей численности населения¹⁴. Декретом ВЦИК летом

—Этнические меньшинства в истории России

1921 г. Уральская, Оренбургская, Актыбинская, Букеевская и Кустанайская губернии были включены в число голодающих и освобождены от продовольственных налогов ¹⁵. К весне 1922 г. действовали семь губернских, одна уездная на правах губернской (Адаевский уезд), 46 уездно-районных, 1 127 волостных, аульных и сельских комиссий помощи голодающим. Функционировала Центральная комиссия помощи голодающим (Помгол) при КазЦике. К середине 1922 г. различными органами ЦК обеспечивалось пищей 777 192 чел., в том числе 422 799 детей. В пяти губерниях были открыты 575 детских домов, девять детприемников ¹⁶.

Неизбежным спутником голода были эпидемии. В отчете Актыбинской губернии говорится: «Заболеваемость на почве голода и эпидемий в губернии равнялась 50 %, смертность достигла 28 %. Точно учесть умерших по всей губернии на почве голода не представляется возможным в силу оторванности не только волостей, но и целых районов от центра губернии, связь с которыми в зимнее время была вовсе прекращена из-за свирепых буранов. Именно в этот период смертность достигла наивысшего процента» ¹⁷.

Причинами заболеваний были голод, движение голодающего населения из Поволжья, через западные губернии Казахстана в Туркестан, из сельской местности в города: «Наряду с бытовыми условиями этот фактор оказал настолько значительное влияние на общее санитарное состояние края, что обуславливал собой целый ряд явлений общественной санитарной жизни: переполнение городских центров, скученность на линии железной дороги, создание целого ряда эпидемических очагов, громадное переполнение лечебной сети республики» ¹⁸.

О том, что смертность была велика, свидетельствуют следующие данные: «В Кустанайской губернии в январе было 1 200 голодных смертей, в феврале 500, в марте 1 500. Смертность с начала голодной кампании по январь 1922 года достигла 40 % по городу и 60 % по районам от общей заболеваемости» ¹⁹. В Оренбургской губернии «заболело на почве голода 29 578 человек, из них умерло 22 635 человек... В Уральской губернии заболело 5 178 человек, из них умерло 3 000 человек» ²⁰.

Данные информационного бюллетеня по Оренбургской губернии Киргизского краевого чрезвычайного комитета свидетельствуют: «Пададь является лакомым куском, началось потребление кошек, собак, овчинных лоскутов... Цены на кошек и собак, как на продукты питания, растут: собака стоит 100 тысяч рублей, кошка – 15–18 тысяч рублей... В настоящее время едят мертвые тела людей, из 70 трупов съедено 38... В начале умерших хоронили в ямах, потом стали складывать в амбарах, из которых жители крали трупы для пищи... тела умерших приготавливаются как бараны, висят подвешенные с отрубленными головами и частями, туши которых поедаются родственниками. Почти в каждом доме села Юзеево имеется умерший, которого не хоронят, а пожирают сами» ²¹. Уральская губерния: «На улицах вечером боязно показаться, проводится определенная охота на людей... Умиравших поедают те же голодающие. Когда умирают в доме члены семьи, то о смерти не заявляют, тайно съедают» ²².

Приведенные страшные подробности позволяют сделать вывод о том, что статистические данные партийных и советских органов, материалы архивов не в состоянии уточнить более или менее точное количество жертв голода вследствие сокрытия умерших, массового движения населения.

События начала 1920-х гг. отразились на состоянии сельского хозяйства Казахстана: «Неурожай и джун 1921 года, последовавший за ними голод нанесли страшный удар по сельскому хозяйству, только начавшему оправляться от последствий разрушительных войн. И если в конце 1920 г. оно оказалось на уровне конца XIX века, то в 1923 году было отброшено еще на 20–30 лет»²³.

Итоги подвел пленум Киргизского обкома РКП(б) в январе 1924 г. В постановлении пленума констатировалось сокращение крестьянских хозяйств за три года (1920–1923) на треть, уменьшение количества скота по сравнению с периодом 1915–1917 гг. в четыре раза, по сравнению с 1922 г. – на одну пятую часть. Посевная площадь по сравнению с 1915–1917 гг. сократилась в три раза²⁴. Главными причинами такого падения сельского хозяйства стали, наряду с мировой и гражданской войнами, неурожай и голод 1921–1922 гг.

Таким образом, динамику численности и этнический состав населения Казахстана в первой половине 1920-х гг. в значительной мере определяли голод 1921–1922 гг. и административно-территориальные изменения. Значительного влияния миграций, нарушивших процесс формирования населения в первое десятилетие советской власти, на наш взгляд, не наблюдалось. Некоторое исключение составляют украинцы, активно перемещавшиеся на территорию Акмолинской и Семипалатинской губерний с начала проведения стольпинских реформ. Большого же миграционного притока в Казахстан из европейской части России в это время не было. Более того, присутствовал миграционный отток. Для обоснования данной точки зрения обратимся к материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Перепись 1926 г. зафиксировала в республике 1 416 тыс. «неместных уроженцев»²⁵. Но не следует думать, что 22 % населения КАССР были мигрантами. «Неместные уроженцы», согласно переписи, – это люди, зарегистрированные не в том населенном пункте, где они родились. Человек, сменивший место жительства даже в пределах одной волости, числился уже как «неместный уроженец». В 1926 г. таковых насчитывалось 614,4 тыс. чел., или 43,4 % всех «неместных уроженцев»²⁶. Тех же, кто родился за пределами Казахстана, но в декабре 1926 г. в нем проживал, было 801,5 тыс. чел.²⁷ В то же время уроженцев Казахстана, проживающих за его пределами, перепись зафиксировала в количестве 162,7 тыс. чел.²⁸ Таким образом, миграционный приток в республику составил 638,8 тыс. чел., то есть прибывших было намного больше.

Прокомментируем некоторые цифры. Во-первых, об уроженцах Казахстана, проживающих за его пределами. Дело в том, что перепись учла только уроженцев Казахстана, выбывших в другие регионы СССР, то есть не всех выбывших, а лишь тех, кто родился в Казахстане. Численность всех выбывших намного больше. Во-вторых, с начала XX в. в Казахстане наблюдался активный миграционный обмен (стольпинская аграрная реформа, Первая мировая война и восстание 1916 г.,

Этнические меньшинства в истории России

Гражданская война, голод 1921–1922 гг.). Сотни тысяч людей, в том числе не родившихся в Казахстане, покидали его, а затем возвращались. Здесь сработал эффект «двойного зачета», то есть прибывшие в Казахстан в конце XIX – начале XX в. и уже учтенные как «неместные уроженцы» покидали республику (наиболее интенсивно в период голода 1921–1922 гг.), а затем возвращались (особенно в 1923–1925 гг.). Они опять учитывались как вновь прибывшие.

Мы имеем основание утверждать, что абсолютное большинство «неместных уроженцев», прибывших в период с 1920 по 1926 г. (около 40 % всех «неместных уроженцев», зафиксированных переписью 1926 г.), – это люди, возвратившиеся на родину после голодных лет. Свидетельствуют об этом и следующие цифры: 31,3 % «неместных уроженцев» за 1921–1926 гг. составляли казахи (табл. 1). Наблюдается закономерность: самая высокая доля «неместных уроженцев» среди казахов была в голодавших губерниях: в Адаевском уезде – 88,7 %, в Уральской губернии – 50 %, в Актюбинской губернии – 45,7 %²⁹.

Таблица 1

«Неместные уроженцы», поселившиеся в КАССР в 1921–1926 гг.³⁰

Народности	Продолжительность проживания				
	1926	1925	1924	1921/23	Итого
по КАССР	66 866	85 187	91 909	278 172	522 134
казахи	10 434	27 361	28 484	97 176	163 455
русские	35 769	33 979	36 427	104 159	210 334
украинцы	12 182	16 647	19 550	53 659	102 036
другие этносы	8 481	7 200	7 448	23 268	46 309

Таким образом, миграционные процессы в первой половине 1920-х гг. не могли заметно повлиять на увеличение численности населения Казахстана. Для подтверждения этого вывода представим данные двух переписей населения – 1920 и 1926 гг. Сравнительный анализ проведен на сопоставимых территориях, то есть без учета населения регионов, вошедших в состав Казахстана после переписи 1920 г. (Сыр-Дарьинская, Джетысуйская губернии) и вышедших из республики до переписи 1926 г. (Оренбургская губерния), табл. 2³¹.

Таблица 2

Численность и этнический состав населения КАССР в сопоставимых границах (по данным переписей населения 1920 и 1926 гг.), тыс. чел.

Губерния	Все население		Казахи		Русские		Украинцы		Другие этносы	
Год	1920	1926	1920	1926	1920	1926	1920	1926	1920	1926
Казахстан	4 038,8	4 152,8	2 208,4	2 188,2	1 114,1	1 048,6	561,8	727,9	154,5	188,1
Акмолинская	1 187,5	1 211,5	445,3	430,8	458,2	394,1	222,1	312,3	61,9	74,3
Актюбинская	533,7	468,3	406,1	320,0	34,7	43,8	81,5	88,4	11,4	16,1
Семипалатинская	1 047,8	1 310,2	565,9	714,6	380,4	398,6	68,5	140,2	33,0	56,8
Уральская	740,4	638,0	531,8	467,9	158,6	127,4	27,9	25,4	22,1	17,3
Кустанайский округ	428,0	389,3	160,0	123,4	80,5	82,6	161,8	160,8	25,7	22,5
Адаевский уезд	101,4	135,5	99,3	131,5	1,7	2,1	–	0,8	0,4	1,1

За шесть лет (с 1920 по 1926 г.) численность населения увеличилась на 2,8 %. В среднем за год рост составил 0,47 %. О большом миграционном притоке из-за пределов республики говорить не приходится. Численность основных этносов республики – казахов и русских – сократилась, соответственно, на 0,9 и 5,9 %. Уменьшилась и их доля в составе населения (казахов с 54,7 до 52,7 %, русских – с 27,6 до 25,2 %). Основное влияние на такие процессы оказал голод 1921–1922 гг. В первую очередь это касается казахского населения. Данные табл. 3 свидетельствуют, что наибольшее сокращение численности этноса наблюдалось именно в голодающих регионах. Так, в Кустанайском округе казахов стало меньше на 22,9 %, в Актюбинской области – на 21,2 %, в Уральской области – на 12 %. Многие перемещались в регионы, менее затронутые голодом, вследствие чего в Семипалатинской области численность этноса увеличилась на 26,3 %.

По мнению Г.Ф. Дахшлейгера, оценивая споры на тему переселения в Казахстан, следует признать, что «вначале на землеустройстве они почти не сказались. Обстановка разрухи, неурожая и голода настолько ограничивала возможности крестьянства края, без различия национальностей, в расширении посевов или увеличении поголовья скота, что вопрос о земельных наделах в 1922–1923 годах не мог стоять уж очень остро, миграционные же процессы на первых порах шли главным образом по линии оттока крестьян-переселенцев из республики, а не притока в республику»³².

Процесс пересмотра республиканских границ в результате размежевания Средней Азии отразился на этнической структуре населения Казахстана (табл. 3)³³.

Таблица 3

Численность и этнический состав населения КАССР, по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. (тыс. чел.)

Губернии	Все население		Казахи		Русские		Немцы		Украинцы		Другие этносы	
	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%
Казахстан	6 198,0	100	3 627,5	58,5	1 275,8	20,6	51,1	0,8	860,0	13,9	383,6	6,2
Акмолинская	1 211,6	100	430,8	35,6	394,1	32,5	21,2	1,7	312,3	25,8	53,2	4,4
Актюбинская	468,3	100	320,0	68,3	43,8	9,3	1,7	0,4	88,4	18,9	14,4	3,1
Джетысуйская	887,8	100	563,1	63,4	144,0	16,2	0,5	0,1	88,9	10,0	91,3	10,3
Семипалатинская	1 310,2	100	714,6	54,5	399,3	30,5	11,9	0,9	140,2	10,7	44,2	3,4
Сырдарьинская	1 157,2	100	876,2	75,7	82,4	7,1	4,4	0,4	43,2	3,7	151,0	13,0
Уральская	638,0	100	467,9	73,3	127,4	20,0	0,6	0,1	25,4	4,0	16,7	2,6
Адаевский уезд	135,6	100	131,5	97,0	2,1	1,5	0,0	0,0	0,8	0,6	1,2	0,9
Кустанайский округ	389,3	100	123,4	31,7	82,7	21,2	10,8	2,8	160,8	41,3	11,6	3,0

В 1926 г. удельный вес неказахского населения республики в сравнении с 1920 г. сократился на 11 %, в том числе русских – на 13,8 %. В то же время удельный вес казахского населения увеличился на 11 %. Объясняется это тем, что в результате размежевания республик Средней Азии Казахстан в основном

Этнические меньшинства в истории России

пополнился лицами казахской национальности. В то же время в вышедшей из состава республики Оренбургской губернии большинством населения (более 70 %) были русские.

Мнения о численности казахов в середине 1920-х гг. расходятся. Часть исследователей (Я. Винник, С. Брук, В. Козлов) считают сведения переписи 1926 г. завышенными вследствие включения в эту графу киргизов и представителей некоторых других тюркоязычных групп. Другие, в основном казахстанские ученые, - заниженными. Так, по мнению А.Б. Галиева и М.Х. Асылбекова, перепись не учла 4–5 % казахов, М.Б. Татимова, – 6,7 % или даже 15 % кочевого и 20 % полукочевого населения Казахстана³⁴. Подобная ситуация объясняется в основном тем, что данные Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг. являются единственным документальным источником при определении потерь во время голода начала 1930-х гг., сыгравшего огромную негативную роль в демографической истории Казахстана. Если принимать во внимание, что в 1926 г. казахов было больше, чем зафиксировала перепись (то есть присутствовали «неучтенные»), то по сравнению с материалами 1939 г. отрицательная динамика численности этноса была более высокой. Количество пострадавших во время голода начала 1930-х гг. и политических репрессий автоматически вырастет. Правда, в этом случае голод начала 1920-х гг. может вообще не отразиться на численности этноса. Сопоставление переписей населения 1920 и 1926 гг. никаких катастрофических явлений не выявляет.

Перечислим основные аргументы казахстанских исследователей (в основном они представлены известным демографом М.Б. Татиновым). При сравнении возрастно-половой структуры казахского населения по данным переписей 1897 и 1926 гг. в последней обнаружен недоучет детей, особенно грудного возраста, а также женщин. Причины состоят в том, что перед 1926 г. были отменены калым и многоженство и девушки скрывались от регистрации в ходе переписи. Скрывались также и молодые мужчины, так как у населения сохранились воспоминания о мобилизации на трудовые работы в годы Первой мировой войны. Недоучет получился и вследствие сложности административно-территориальной структуры края и распыленности кочевого и полукочевого населения: «Если учет населения все же и осуществлялся, то нередко по заочным декларациям с использованием всевозможных условных и средних коэффициентов, что в конечном итоге тоже искажало картину»³⁵.

Со многими аргументами, высказанными М.Б. Татиновым, А.Б. Галиевым и др., можно согласиться. Известно, что в 1920-е гг. в СССР наблюдался недоучет рождений, что подтверждают многие исследователи (Ю.А. Корчак-Чепурковский, С. Максудов и др.). Историки-демографы Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.А. Харьковская после сложных расчетов пришли к выводу, что среднюю необходимую поправку к численности населения СССР по переписи 1926 г. в возрасте 0, 1 и 2 года можно принять равной 10 %. Признается и недоучет женщин молодого возраста в азиатской части страны вследствие указанных выше причин. В результате половая пропорция при переписи на территории

Средней Азии и Азербайджана была искажена и содержала дефицит женщин в возрасте от 8 до 27 лет. Но это явление, по мнению названных авторов, не имеет отношения к Казахстану и автономиям Северного Кавказа, потому что недоучет, по имеющимся данным, здесь был незначительным³⁶.

Тем не менее для выявления максимального показателя возможного недоучета мы распространяем на Казахстан поправку на дефицит женщин в возрасте 8–27 лет в 5 %, характерную для Средней Азии. В тоже время мы не учитываем предполагаемый М.Б. Татимовым недоучет казахского населения вследствие сложности административно-территориальной структуры края и распыленности кочевого и полукочевого населения, так как здесь на равных присутствует и возможность его переучета, завышение реальной численности.

После введения соответствующих поправок в данные переписи 1926 г. выяснилось следующее. Возможный недоучет детей в возрасте 0, 1 и 2 года составил 34,5 тыс., недоучет женщин 8–27 лет – 31,9 тыс. Принято во внимание также мнение М.Б. Татимова о диспропорции полов (недостаточное количество мужчин в некоторых возрастных группах) и выправлена половая структура в возрасте 20–24 лет (именно в этой возрастной группе наблюдался наиболее ощутимый дефицит мужчин), в результате чего численность населения увеличилась еще на 24,2 тыс. чел. Всего, таким образом, возможный недоучет составил 90,6 тыс. чел. Численность этноса на территории Казахстана, по этим расчетам, составила около 3 718 тыс. чел. (без Каракалпакской АО). Возможный недоучет – примерно 2,5 %³⁷.

Конечно, даже после всевозможных перерасчетов картина возрастно-половой структуры населения Казахстана далека от идеала. Но достаточно вспомнить события, предшествовавшие переписи 1926 г., которые не позволяли сохранить эту структуру в классическом виде: Первая мировая война и национально-освободительное восстание 1916 г., Гражданская война, голод 1921–1922 гг. На наш взгляд, Всесоюзная перепись населения 1926 г. в целом показала истинное положение дел, зафиксировав реальное состояние демографического развития Казахстана в первой половине 1920-х гг.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках научного проекта ИРН AP08856205 «Оценка уровня демографической безопасности Республики Казахстан».

The research was carried out with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan within the framework of the scientific project AP08856205 "Assessment of the level of demographic security of the Republic of Kazakhstan".

1. СЫДЫКОВ Е.Б., МАЛЫШЕВА М.П. Сибирь и Казахстан (национально-территориальное размежевание Сибири и Казахстана. 1919–1922 гг.). Семей. 2010; Алтайская губерния – Казахстан. 1917–1925. История административно-территориального разграничения: Сб. док-тов и м-лов. Барнаул. 2001; АЛЕКСЕЕНКО Н.В., АЛЕКСЕЕНКО А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск. 1999, с. 5.

2. Справочник по административно-территориальному делению Казахстана (авг. 1920 – дек. 1936 гг.). Алма-Ата. 1959, с. 19.

3. БУРОВ М. Экономическая сторона и проблемы национального размежевания Средней Азии. —

Этнические меньшинства в истории России

- Народное хозяйство Средней Азии. Ташкент. 1924. № 2; МЕНДЕШЕВ С. Национально-территориальное размежевание Средней Азии и Киргизской ССР. — Советская Киргизия. 1924. № 8–9.
4. МАРДАРОВСКИЙ Н.И. Голод в Киргизии и борьба с недородами. Оренбург. 1922; ИВАНОВ Ю.М. Голод в КССР и общие условия хозяйственной жизни голодающих губерний. — Экономическая жизнь Киргизского края. 1927. № 1, с. 31–35.
5. ДАХШЛАЙГЕР Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921–1929 гг.). Алма-Ата. 1965; НЕЙШТАДТ С.А. Социалистические преобразования в экономике Казахской ССР в 1917–1937 гг. Алма-Ата. 1957; ВИЛЕНСКИЙ Е.Л. Ликвидация безработицы и аграрного перенаселения в Средней Азии и Казахстане (1917–1932 гг.). Алма-Ата. 1980.
6. АСЫЛБЕКОВ М.Х., ГАЛИЕВ А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.). Алма-Ата. 1991; АБЫЛХОЖИН Ж.Б. Традиционная структура Казахстана: социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930 гг.). Алма-Ата. 1991; АЛЕКСЕЕНКО А.Н. Сельское население Казахстана (1920–1990 гг.). Алматы. 1993.
7. МУСАЕВ Б.А. Россия и Казахстан: опыт взаимосвязи прошлых лет по борьбе с голодом в начале 20-х годов XX века. — Сборник материалов международной научно-практической конференции «Интегрирующий союз Казахстана и России: вызовы глобализации». Уральск. 2003, с. 160–165; Организационные мероприятия по борьбе с голодом в Казахстане в начале 20-х годов XX века: Республиканская научно-теоретическая конференция, посвященная 200-летию М. Утемисова. Уральск. 2003, с. 30–43.
8. НАЗАРОВА З.Д. Голод 1921–1922 годов в Казахстане: причины, масштабы, последствия. — Вестник Евразийского гуманитарного института. 2005. № 1, с. 13–19; Голод в 1923–1924 годах в Акмолинской губернии. — История столицы в материалах архивов: М-лы междунар. науч.-практ. конф. Астана. 2005, с. 74–80.
9. КАРР Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1 и 2: Большеви́стская революция. 1917–1923 / Пер. с англ. А.П. Ненарокова. М. 1990, с. 261–262.
10. Отчет СТО КАССР Совету Труда и Оборона РСФСР о деятельности с 1 января по 1 сентября 1921 г. Оренбург. 1922, с. 17.
11. Отчет Кустанайского губернского экономического совещания за октябрь, ноябрь и декабрь 1921 г. Кустанай. 1921. Вып. 1, с. 58.
12. Отчет СТО КАССР за апрель–сентябрь 1922 г. Оренбург. 1922, с. 234–285.
13. Отчет Уральского экономического совещания за период с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г. Уральск. 1922, с. 309.
14. Отчет СТО КАССР за апрель–сентябрь 1922 г..., с. 234–235.
15. СУ РСФСР. 1921, № 62.
16. III сессия Киргизского Центрального Исполнительного Комитета: Полный стенографический отчет. Оренбург. 1921, с. 2.
17. Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг.: Сб. статей и отчетов. М. 1922, с. 205.
18. Отчет СТО КАССР за апрель–сентябрь 1922 г..., с. 105.
19. Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг., с. 221.
20. Там же, с. 212.
21. Центральный государственный архив Республики Казахстан, ф. 28, оп. 1, д. 24, л. 165–169. Цит. по: НАЗАРОВА З.Ж. Новая экономическая политика в аграрном секторе Казахстана: опыт и уроки (1921–1929 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Астана. 2010, с. 54.
22. Там же, с. 55.
23. ДАХШЛАЙГЕР Г.Ф. Ук. соч., с. 184.
24. Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т. 1. Алма-Ата. 1981, с. 120–121.
25. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Казахская ССР. М. 1930. Т. 42, с. 41.
26. Там же, с. 108.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же, с. 108–110.
30. Там же.
31. Календарь-справочник и записная книжка на 1924 год. Оренбург. 1924, с. 25; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 8. М. 1928, с. 15–46.
32. ДАХШЛАЙГЕР Г.Ф. Ук. соч., с. 386.
33. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 8..., с. 15–46, 126–153.
34. АБЫЛХОЖИН Ж.Б., КОЗЫБАЕВ М.К., ТАТИМОВ М.Б. Казахстанская трагедия. — Вопросы истории. 1989. № 7, с. 66.
35. Там же.
36. Экспресс-информация. Сер.: История статистики. Вып. 3–5. Ч. 1. М. 1990, с. 20, 24.
37. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 8..., с. 56–59.